

18+

Валерий Оосинский

КВАРТИРАНТ

Валерий Осинский

КВАРТИРАНТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63987937

ISBN 9785005322111

Аннотация

Двадцатилетний провинциал Артур, после службы в армии приезжает покорять Москву и селится у Елены Николаевны Курушиной. Хозяйка старше квартиранта на двадцать восемь лет. Артур пытается охмурить «старуху», чтобы, используя ее связи, закрепиться в Москве, и неожиданно для себя влюбляется в хозяйку. Любовная связь с молодым человеком кажется Курушиной противоестественной: здесь и мнение ее друзей, и возраст. Но раз уж они встретились, то решают любить столько, сколько им отмерено судьбой. Повесть ранее была опубликована в сборнике «КВАРТИРАНТ. Повести и рассказы».

Содержание

КВАРТИРАНТ	5
Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

КВАРТИРАНТ

Валерий Осинский

© Валерий Осинский, 2021

ISBN 978-5-0053-2211-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАРТИРАНТ

Повесть

1

Когда история открылась, знакомые навесили на мой прежний образ провинциального простачка новый ярлык: подающий надежды негодяй. Их поразили цинизм двадцатилетнего парня, облапошившего «старуху».

Начну с семейства моего московского дяди, младшего брата матери.

Мои ежелетние визиты совпадали с отпускными паломничествами в столицу многочисленных родственников Раевских (фамилия дяди), и стесняли московскую родню. Я от природы ласков, если меня хвалят. Увы – редко! И с годами чаще раздражал дядю колючей настороженностью безотцовщины и прямолинейностью провинциала. Родственные отношения замыкались любезным: «Как мать?» Помню за полночный высокомерный треп Раевских, ассимилированных москвичей в первом колене, на кухне о культурно-политической жизни страны, и неизменный совет тети Наташи, сорокалетней мадам с накладными ресницами и рыжим шиномом на затылке: «Прочти „Розу мира“, остальное можно

не читать!» Тетя преподавала в каком-то техническом вузе по собственной методе, без конспектов: экспромтом зачитывала учебник. Дядя Кадя по образованию инженер, по должности чей-то зам, что для домочадцев делало его фигуру одиозной, считал себя философом. Его метод познания исключал книжные и прочие знания: они засоряли первородную мысль. Дядя, по его выражению, постигал истину внутренним чутьем. Обычно он попыхивал сигареткой и едва слышно, под благоговение присных разгибал вензеля своих банальных несуразностей. Дочери Раевских, мои двоюродные сестры Феня и Катя, круглые троечницы, между кухонным трепом и школой, соответственно с четырнадцатью и тринадцатью лет, цыганили в кабаках дармовые коктейли у пожилых денежных импотентов. В общем, мои родственники люди добрые и терпимые. Но жили мы разной жизнью. И никак не могли привыкнуть друг к другу.

Тем летом на недостроенной веранде дачи Раевских, в дембельском кителе, увешенном блестящими побрякушками, хмельной от свободы и поцелуев, накопившихся за два года, я по-армейски прямо ошарашил дядю – он празднично заикнулся о моих планах – «Пропиши меня в Москве!»

Что ждало меня дома? Спивающиеся дружки, стареющая мать (отец нас давно бросил), безработица. Вся моя биография: дискотеки, пивбары, похотливые шестнадцатилетние дуры, программно-библиотечные, нудные книги и скука заштатного города. Я еще не знал: люди живут везде, блеск

столицы – красочный фасад балагана, где каждый за себя, где тупеют от усталости и одиночества. Я грезил Москвой, удачей, и не думал отступить.

Дядя осторожно спросил: «А что ты будешь делать здесь?» «Не знаю!» Гнетущая паническая пауза и недвусмысленный намек: «Посоветуйся с мамой. Когда решишь, поговорим!» Серая от испуга тетя Наташа усиленно терла виски. «Я узнавал в милиции, просто так меня у вас не пропустят, – доканывал я родственников. – Идти ментом по лимиту – пять выброшенных лет. Да и жить придется у тебя. Не в общаге же. Я говорил с Катей. Ей восемнадцать. У нас разные фамилии. Мы можем фиктивно пожениться...»

Катя курила в кресле-качалке, независимо скрестив ноги лошадиного изящества. Ее прыщавая физия дозревающей девственницы (в целомудрии сестры, правда, не уверен: в квартире давно прижилась проститутка Ия, подруга сестер, а как говорят, с кем поведешься...) выразила готовность вступить в фиктивное супружество.

Блестящая идея жениться на двоюродной сестре потрясла родню. Сироте деликатно объяснили его заблуждения. Во-первых, кровосмешение; во-вторых, Катя с малолетства подозревалась в слабоумии (часто она разгуливала по квартире при мужчинах нагая) и могла ляпнуть, где угодно, что угодно; а в-третьих, жилплощади-то избыток, но на черта я тут сдался?

Закончилось объяснение скандалом. С юношеским мак-

символизмом я решил навсегда порвать с дядей.

Раевские ремонтировали квартиру. В памятную неделю семейных страстей меня поселили в одну из бесчисленных московских многоквартирок к хорошей знакомой дяди, женщине пенсионного или около того возраста, к Елене Николаевне Курушиной. От нее в угрюмом настроении, ничего хорошего не ожидая от жизни, я уехал домой, твердо намериваясь вернуться.

2

Хроническую болезнь мегаполисов – одиночество – каждый лечит по-своему.

Сначала Елена Николаевна цеплялась за работу, затем придумывала обязательства перед московскими знакомыми, еще помнившими ее. Отец Курушиной некогда занимал пост при Подгороном. За стеклом серванта чиновные пиджаки вокруг вождя на групповом фотоснимке растворили неразборчивый лик Курушина. Давно в ее прошлом были университетские разгулы золотой молодежи, муж, мишура жизни. Родители оставили деньги, позволявшие ей не работать. В первую неделю хозяйка рассказала о себе. Нет грустнее истории о жизни, растроченной впустую.

Такой я и запомнил ее: миниатюрную, суховатую, с неизменным пуховым платком на плечах и пронзительными, усталыми, зелеными глазами, подведенными черным карандашом. Она называла меня «дружок», ходила неслышно и легко. Ей было тогда сорок восемь лет.

Погоди, как же это было? Лето, день укрытый теплым московским небом. Дядя ввел меня в ее крохотную квартиру со старомодной мебелью, женщина развела руками и безразлично-любезно сказала:

– Вот, дружок, если тебе нравится, оставайся!

У нее был грудной голос, приятный и тихий. Еще помню пышные каштановые волосы, уложенные вокруг головы. На кухне бормотала радиоточка, а в гостиной звонко тикали декоративные часы в узорном стекле. Я обмолвился и назвал ее Анна Федотовна. Женщина насмешливо вскинула бровь, поправила меня и прибавила «милый Герман».

Что-то во мне тронуло ее. За несколько вечеров, как в поезде с безымянным попутчиком, которого завтра растворит время, мы сблизились.

В день отъезда хозяйка собрала мне гостинцы: продукты, ароматное мыло, махровое полотенце – из щепетильности я отказывался принять. (Но принял!) В поезде мне стало грустно, попросту хотелось плакать.

Уже тогда ядовитый росток замысла отравил ее и мою жизнь.

3

И вот я снова в Москве.

Курушина накрывала на стол. На ней был голубой байковый халат, в волосах яркие китайские заколки. Она пользовалась ими в торжественных случаях.

Я плюхнулся в зачехленное кресло, осмотрелся. Ничего

не изменилось. Фаянсовые слоники на серванте, стеклянные часы, диван под лохматой накидкой, цветы в глиняных горшках, книги. Женщина управлялась с тарелками неторопливо и ловко. При ходьбе полы халата открывали белые, стройные икры. Я рассеянно подумал: человеческое тело стареет медленнее лица.

– Что ты намерен делать?

– Я вам писал...

– Да, да, дружок. Извини.

Я украсил письма ей примерно следующим: «...дядей Степой – ни за что!», и «...лучше всю жизнь кочевать в киргизской палатке, чем кланяться на стройке за постоянный штамп в паспорте». Словом, не маялся мятежной тоской о родительском доме. Ни я, ни Елена Николаевна, мы не встречали человека, рвавшего из Москвы.

Скоро я уплетал ее «фирменные» домашние пельмени с бульоном и черным перцем.

– Знаешь, что я подумала? – вдруг спросила Курушина. Она закурила, облокотилась о стол и внимательно посмотрела на пламя догоравшей спички в своих тонких, длинных пальцах, с алыми, ухоженными ногтями. – У меня есть знакомые. Они обязаны моему отцу. Одно время мы дружили. У них дочь примерно твоих лет. Хочешь, я поговорю с ними. Может, они согласятся устроить ваш брак. Пока поживешь у меня. А там решим...

Забыв разжевать, я проглотил и обжегся. Покосился

на женщину. Почему она помогала мне? Хотела удержать? В общем, это ее дело.

– Понадобятся деньги, – подумав, согласился я. – У меня таких – нет.

– После отца остались фамильные драгоценности, занесенные в каталог. Я тебе их как-нибудь покажу. Уникальная коллекция. Подаришь девочке что-нибудь, как от себя. Заработаешь – отдашь.

– Не бойтесь, что я обману вас? Вы ведь меня совсем не знаете!

– Боюсь! – полусерьезно ответила она. – Но ты ведь хочешь остаться в Москве? И надеюсь, твой дядя поможет мне с тобой справиться, если что!

Мы улыбнулись.

Я прильнул щекой к руке Курушиной и она ласково пригладила мои волосы.

Но в двадцать лет я уже не верил в бескорыстие людей. Чтобы верить человеку, надо владеть его душой.

4

Перед армией, на День рождения дяди меня познакомили с семьей его институтского приятеля. И их дочерью, моей ровесницей и подругой сестер.

Неля была застенчивая тихоня, худенькая, остроносая, белокурые волосы барашком, малокровное, угловатое лицо. Она стеснялась своей внешности. Но имела собственные суждения и, по-моему, как и я, едва терпела треп Раевских.

Папаша – он, кажется, владел швейной мастерской – не скупился на дочь. Неля хорошо одевалась. Мои сестры завидовали ей, и злились, как только начинали говорить о девушке.

Перед армией я два или три раза приглашал Нелю в кафе. В ее присутствии на меня, будто надевали стальной корсет, в голову насыпали опилок, а язык пришивали к небу сапожными гвоздиками. Застенчивость, похоже, и сблизила нас. Из армии, помнится, я написал ей несколько писем.

Почти за два с половиной года я изменился: не Казанова, но и не «одуванчик». Пока, как говорят армейские, я тащил службу, мать, скромный заведующий детсадом, подкопила денег и одела любимого сынулю в модное по тем временам барахло. Дорогущий джинсовый костюм «Левис», поляроиды, кроссовки – настоящий «Адидас»! – и золотая нить на шее. Еще старшеклассником, в заношенных, по щиколотки брюках, ненавистных до слез, я ловил на себе любопытные взгляды девчонок. Но воображал их разочарование моей рубашкой, линялой от стирки, и школьным пиджаком, вытертым на рукавах, и трусил. Армейская хэбэшка меняет представления о моде. Короткую стрижку я предпочел нечесаным патлам и козлиной бороденке. Плюс загорел за два месяца пляжного сибаритства в промежутках работы посудомойкой в курортном пансионате.

Назавтра после приезда я отправился в магазин, где Неля (по сведениям двухмесячной давности от сестер) проходила институтскую практику.

Она повзрослела, и, скажем так: оформилась в женщину. Но летние веснушки, ее хрупкие, как птичьи лапки, кисти рук, пушек на предплечьях и застенчивость напоминали прежнюю Нелю.

В кафе «Космос» на втором этаже мы с девушкой отхлебывали из фужеров шампанское и ковыряли оловянными ложечками мороженное в пластмассовых чашечках на длинных ножках. Едва тлевший разговор, казалось, снова сближал нас. Сновали официантки в крахмальных передниках и пилотках, баловались за соседним столом дети, десяток студентов сдвинули стулья и разряжали летнюю духоту взрывами смеха.

Я не сказал Неле о главном: о намерениях в этом городе. В те годы прописка в Москве означала работу на выбор, а не по лимиту, делала «белой костью», в моем представлении, ровней москвичам. Меня не пускали в парадную Москвы, вынуждали изворачиваться между крючками законов. После летних вояжей к дяде мне казалось: москвичи, вежливые и доброжелательные в переходах метро или в двух шагах от нужного приезжому магазина, как пограничники дают отпор вторжению чужих в их мир. Завести связи здесь, как и в любом новом месте, можно через друзей, которых у меня нет. Мои мрачные фантазии изумили б Нелю. Но я боялся открыть ей свой уродливый мир.

Я проводил девушку. И попросил не говорить Раевским, что вернулся.

Ее каблучки гулко стучали под аркой дома. А я, сцепив за спиной руки, думал: ни на Неле, ни на другой девушке, о которой говорила Курушина, я не женюсь. Хозяйка квартиры самая подходящая жертва.

5

Мне помог случай.

У одного писателя есть: в катехизисе добродетелей и достоинств современного человека, способность приобретать деньги, чуть ли не главный пункт. Соотечественники же от века не только не умеют много приобретать, не воруя, но и тратят зря и безобразно. Тем не менее, все хотят пристроится в жизни. Я не исключение. Как многие эгоисты, я ленив и нетерпелив. Хочу всего без усилий. И чтобы не придумала несчастная женщина, или кто иной, мне во благо, я уже подсознательно херил благодетеля. Можно ли положиться на прихоть человека, который вдруг соскучится по своему уютному одиночеству, разгадает во мне негодяя и отшатнется. Не-е-ет, подайте мне в полное распоряжение чужую душу. К чему мне доброта Курушиной! К чему мне проснувшееся в ней материнское чувство! Плевать на него: у меня есть родная мать. Мне нужно было все, чем старушка владела. Мне нужно было «зацепиться» в этом городе. Ведь, дикая, беспредельная власть – хоть над мухой – это тоже своего рода наслаждение. Человек – деспот от природы и любит быть мучителем. Назовете это раскольниковщиной-рас-

тиньяковщиной? Глупости! Я никого не собираюсь убивать или обирать ради юродивой идеи общего счастья. Человек должен захотеть сам отдать мне себя. Легкий успех – вот мой идол. В двадцать лет, с меня будет убогой жизни матери, родственников, знакомых нищих и честных дурачков, столетнего преемственного труда, терпения, ума, характера, твердого расчета, аиста на крыше!

А знаете, люблю я людей: мягкий, податливый материал в умелых руках! Овладейте мастерством его обработки, и ваши успехи поразят всех!

В двадцать о женщинах у меня были следующие представления!

Чтобы понравиться им, нужно усвоить несколько общих правил: никаких стереотипов поведения, умение ориентироваться по обстоятельствам, смелее фантазировать, быть остроумным, напористым и неординарно преподнести чепуху. Хитрите, придумывайте самые диковинные фокусы, пластайтесь тряпкой перед женщиной, и впустую, если не поймете сокровенное в ней. А поймете: говорите и делайте банальности, и вам простят. Важно учитывать занято ли сердце женщины, многое зависит от обаяния, от... Да мало ли премудростей известно ищущему человеку. Нет неприступных крепостей, есть бесталанные полководцы. Да! Бог вас упаси изощряться над тупицей. Но если вас привлекают женщины примитивного ума, трафите им: проще мыслишки, чтобы вас поняли, не напугались, и вы в дураках не остались. (Неволь-

ный каламбурчик!)

В общем, ничего я, куколка, о женщинах не знал.

На слово поверьте: психически я нормален; во всяком случае, к специалисту не обращался. (Хотя, это не говорит о здоровье!) Те месяцы вызывают у меня отвращение к себе и жалость к старушке. Но даже моему раскаянию лень бороться с подлецом внутри меня. Впрочем, к делу.

Рассуждал я так. Принято, что порнографические фильмы в большинстве смотрят мужчины, а не женщины. Даже на публике мужчина перелистает пикантный журнал, а женщина – нет: от застенчивости, из стыда, брезгливости... Но всякий наблюдательный человек найдет хоть один обратный пример в поведении тех и других. В десять лет на людном пляже я видел, как женщина средних лет, с вислым животом и «спасательным кругом» на боках, прикрывшись широкополой панамой и темными очками, возле мужской раздевалки, ибо, как говорят, негде было яблоку упасть, поворачивалась лицом к решеткам перегородки, устроенной полуоткрытыми жалюзи, когда ячейку занимали молодые мужчины. Позже я с ее угла взглянул на косою срез досок и обнаружил: раздевалка просматривается насквозь, что не заметно на расстоянии.

В сауне пожилая уборщица подглядывала за моим приятелем, настоящим красавцем с хорошо развитой мускулатурой. Он заметил ее и посмеялся: «Пусть кейфанет бабуся!»

А наши детсадовские шалости, нынешние тети и дяди: что

мы вытворяли под одеялами, стоило няне отлучиться! Это потом мы повзрослели, закоsnели, цивилизация залакировала нашу половую непосредственность! Иногда в постели я спрашивал женщин: стесняются ли они на меня смотреть? Как правило, они хихикали или пожимали плечами, и зыркали под живот, если я поднимался за сигаретами. Думаю, и в пятнадцать, и в семьдесят в здоровой женщине, хотя бы дремлет половой инстинкт. А вот как глубоко он спрятан в ней за моралью, условностями, всем тем, что заставляет людей думать об этом, но не говорить открыто, знает только женщина. И только она знает о своих тайных желаниях.

Природа приятно потрудилась над моей внешностью. Поверьте без доказательств: не клеить же фото. В армии и после я режимил: выполнял ненавистную гимнастику под метроном сиротских песен «мальчиковых» поп групп, обливался холодной водой. Добрые шутники утверждали: кабы я занялся своим телом и надумал сниматься для глянцевого журнала, плакаты с изображением Сталлоне и Шварценнегера обесценились. Словом, был физически развит, и как говорят, хоть не Марчелло Мastroяни, но умел понравиться женщинам.

Первое время на «гражданке» я просыпался в шесть утра, сколько не клялся себе отоспаться за два года службы. По моему подъему можно было проверять часы: без пятнадцати шесть веки автоматически открывались, а мозг спал. Курушина тоже вставала рано.

Накануне мы просидели с хозяйкой за шахматами часов до двух ночи и основательно уигрались. Женщина спала. В комнате с подзвоном тикали часы. Утренняя прохлада сочилась через распахнутую форточку. В дремотной тишине дома чириканье воробьев на подоконнике казалось оглушительным. Ежась от холода, я захлопнул форточку и шмыгнул под одеяло. Сплю я полностью раздетый из соображений гигиены.

Солнце нагрело спальню. Я откинул одеяло: решил поваляться и встать. Тыльной стороной ладони прикрыл глаза, и задремал.

Прошло что-то около получаса. За стеной послышались шаги. Или мне снилось. Тут рядом с диваном скрипнул паркет. Я осторожно приоткрыл веки. Женщина нерешительно стояла надо мной. Под моей кистью не видела глаз. Я из озорства передумал натягивать одеяло. Представил себя глазами Курушиной: юнец в сонной неге; луч золотит выгоревшие волосы на груди; одеяло меж бедер, белая полоса загара, и мягкие, податливые во сне мужские очертания; гибкая кисть, прикрывает лоб, и чуть подрагивает. Может, ей захотелось укутать меня, как мальчишку. Или беспардонное вторжение смутило ее...

Я обернулся. Дверной проем зиял рассветным полумраком.

Спустя час я умылся и вышел на кухню завтракать оплавленными в духовке бутербродами с сыром. Елена Николаев-

на курила у окна.

– Доброе утро! – приветливо сказала она, и улыбнулась. Одними губами. В квадратной пепельнице из стекла были намяты свежие окурки...

Я боялся взглянуть на ее руки и увидеть на вялой коже светло-коричневые пигментные пятна старости. Но рука женщины с простым золотым перстеньком на безымянном пальце была изящна и гибка.

Этим утром что-то произошло. Что – я еще не понимал.

6

Тем же вечером, еще не успев переодеться после выхода в город, румяная и запыхавшаяся, Елена Николаевна вошла в комнату, где я сонно листал книгу, и живо сказала:

– Они согласны! Правда, Оксана в Сочи и вернется в конце месяца. Родители поговорят с ней. Что ж, подождем, дружок!

Я осоловело вылупился на Курушину.

– А-а, эти! Что же делать целый месяц? Искать Оксане царицыны черевички?

Курушина, обиженная сарказмом, пожала плечами и сухо ответила:

– Отдохни, посмотри город, – стянула газовый шарфик и направилась к себе.

Машинально зацепившись взглядом за ее фигуру, я брезгливо представил, как касаюсь губами дряблой кожи, светло-желтой подержанной плоти, обоняю кислую духоту ста-

рого тела, обнимаю, вероятно, костлявые, сухие плечи под зеленой синтетической кофточкой и лгну к вялой груди...

Тут воображение забилося птицей в силках и замерло.

Так, верно, патологоанатом в морге с рутинным неудовольствием отмывает трупный жир, по неосторожности попавший под лопнувшую резиновую перчатку.

7

С завидным терпением, проверяя свое неожиданное открытие, я прививал женщине вкус к обнаженной натуре. Спал до обеда, или около того. Для этого методично «глотал» тома в их порядковых номерах на корешках. Если Елене Николаевне случалось войти ко мне, женщина неизменно заставляла идеально скомканное в ногах сонолюбивого постельца одеяло, на полу у дивана широченную подушку на четыре мои головы и двухметрового пупсика, бесстыдно разметавшегося во сне. Долгое, ленивое пробуждение сопровождали переговоры через всю квартиру. Наконец, голод пересиливал основной инстинкт, я вскакивал и одевался напротив распахнутой двери. Хитрый стратег постельных баталий! Беспечно болтая, я зорко следил за мутной тенью хозяйки на полу коридора из кухни. Едва тень прекращала маячить от плиты к столу и от стола к умывальнику, и стремительно густела, я нырял в плавки, и, повернувшись к двери полубоком, невинно натягивал их от колен, будто не подозревал, что женщина, потупившись, торопливо скользит в свою комнату. (Где, наверное, падала в обморок от гранди-

озных фокусов сорванца: злая шутка!). Юный склерозматик специально забывал в комнате на стуле полотенце, и после душа, как Аполлон Бельведерский, прикрывшись для приличия дверью, просил принести, протягивал руку и невзначай ослеплял женщину наготой. Пропагандировал бесстыдство, как мироощущение современного поколения, о котором Курушина почти ничего не знала. Старательно дразнил в ней женщину.

Мою безнаказанность поощряла почти абсолютная замкнутость нашего сосуществования и разница в возрасте почти в тридцать лет. Конечно, я боялся оказаться в дурацком положении. Кто знает, что она думала обо мне? Но голых-то детей мы не заподозрим в дурном!

Я ругал себя психом. В темноте, обхватив голову, вспоминал свои представления накануне, и горел от стыда. Клялся, что завтра прекращу хулиганить. Но утром забывал клятвы и придумывал новые нудистские трюки, чтобы охмурить бабу.

Курушина же принимала мои ухищрения, как я их и преподносил: рассеянность и больше ничего.

По вечерам мы зевали у телевизора или играли в шахматы. Я балагурил, паясничал, забавлял ее рассказами о дядином семействе, уличными наблюдениями о прохожих. Она укоризненно кивала и повторяла: «Разве так можно о людях?» Но ей была приятна моя открытость.

За продуктами я ходил сам. Курушина наотрез отказалась

(к моему тайному облегчению) брать с меня деньги за постой. Иногда мы прогуливались в ближнем парке у пруда.

В один такой вечер она рассказала мне, как умирала ее мать. Где-то одиноко трещала цикада. Квакали лягушки. Изпод декоративных неухоженных кустов и мохнатых каштанов по мутно-светлой асфальтовой дорожке расползлся вечерний сумрак. И я подумал: молодость этой женщины закончилась, в сущности, не так давно. Если бы я знал ее раньше, то на моей памяти. Ее любили, целовали. Так же не спеша, брела она с кем-нибудь по засыпающей аллее, и им было хорошо, просто и сладко тревожно. Я так явно представил ее живые, чистые глаза, пышные, густые каштановые волосы, улыбку свежих губ, ее легкую, летящую походку, смятые белые цветы, гибкое, молодое тело, счастье ее юности, что невольно обернулся на трафаретно четкий темный силуэт на голубовато-матовом фоне пруда. И не увидел сутулости и примет одряхления, в которых себя убеждал. Что-то мохнатое защекотало мои глаза и грудь внутри, и я с трудом поборол желание обнять ее. «Бред!» – буркнул я, и видение рассыпалось. Женщина ничего не заподозрила. Отмахиваясь от наседавших комаров, она повернула назад: «Они сожрут нас, дружок!»

Но воспоминания о вечере еще долго беспокоили память, как музыка, мотив которой забыт, а одинокий аккорд звучит.

С утра дождь никак не решался окропить высушенный жарой город. Я сидел в постели, опустив в тапки ноги, и раз-

мышлял, как убить день.

– Ты встал, пожарный? – шутливо спросила Курушина, вплывая в двери с пластмассовой леечкой, покосилась – одет ли я? – и, привыкшая к моему расхлестанному виду, отогнула тюлевую занавеску, чтобы полить цветы на подоконнике. Изобретательный молодец сладко потянулся, неторопливо выпутался из одеяла и шагнул к стулу за вещами, как раз, когда женщина обернулась. Курушина остолбенела, спохватилась и порывисто подошла к цветам на балконном окне.

– Ты оделся? – сухо спросила она через плечо.

– М-м-угу...

Тогда она вышла, не взглянув на меня.

Озноб, сопровождавший сумасбродный поступок, сменили стыд и отвращение к себе. Я прибирал постель, вещи, долго плескался в душе: готовился доигрывать эпизод. Придумал десяток отговорок...

И вспыхнул после первой ее фразы.

– Артур, я женщина, – укоризненно проговорила Курушина и затянулась сигаретой. От подоконника, скрестив на груди руки, она смотрела на позор постояльца: я своевременно сел на табурет. – Ты ведешь себя не красиво. Ты уже не мальчик! – Я едва не провалился на первый этаж, но крепился изо всех сил. – Не смотри на меня невинными глазами, дружок. Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – Ее губы кривила ухмылка. – Я заметила еще в первый день! (Что она замети-

ла, ослу понятно!) Ты перед матерью ведешь себя так же? Не знаю, может у вас это принято...

– Нет, перед матерью нет! – пробормотал я.

– Есть такая болезнь...

– Да нет же! – уткнув пылающее лицо в ладони, я шумно выдохнул через нос. И тут – озарение! Во мне проснулся актер. – Со мной такое впервые. С первого дня, когда я вас увидел, мне хочется прикоснуться к вам. Я говорю ерунду, правда? Но, но... – я сглотнул, и, потирая прикрытые веки (какой пассаж!) унял дрожь в голосе, – ...я не могу избавиться от наваждения.

Курушина побледнела и прищурилась от струйки сигаретного дыма.

– Да, – она кашлянула. – Давай, Артур, забудем этот разговор! – Она поняла мой отчаянный стыд и помолчала, чтобы я успокоился.

Но я не унимался и вкрадчиво произнес:

– Если вам сразу не понравилось мое поведение, почему вы не сказали об этом в первый день?

Курушина нахмурилась, и щеки ее порозовели. Но вдруг она неслышно засмеялась, и обхватила ладонью подбородок. Кружевной край ее ночной рубашки выпорхнул из рукава. Так же быстро женщина успокоилась, и все с той же иронией в глазах посмотрела на квартиранта.

– Ловелас, да ты настоящий Ловелас! – Она укоризненно покивала. – Ешь, картошка совсем остыла! – Погасив сига-

рету, она легонько пихнула мою голову.

У меня было ощущение, будто я пытался обмануть себя.

8

Позорное разоблачение сломало во мне пружину зла. Из школярского нежелания признать превосходство опыта и ума Курушиной над жалкими детскими хитростями я продолжал свой фарс. Через силу, с липким ощущением внутри. А она молчала. И ее молчание бесило меня.

Меня бесило в ней все: как она курит, сигарета между пальцами, кисть руки подпирает локоток – эдакая светская дамочка из третьего подъезда; как тщательно и неторопливо расправляет жабо старомодной кофты из зеленого шелка; у зеркала красит яркой помадой губы; манерно прибирает невидимками пышные, накрученные вокруг головы волосы; бесила ее сомнамбулическая походка в миг раздумий; деликатное шуршание в клозете при моем приближении, ее опрятность; загадочная улыбка моны Лизы; миниатюрные тапки с помпонами, делавшими ее походку неслышной; хрупкие плечи. Мне хотелось крикнуть ей в напудренное лицо, в подведенные простым карандашом глаза: «Старуха! Смешная комедийная старуха!» Хотелось насладиться беззащитностью воспитанного человека перед хамом. Но ее женственность, породистая стать – поражали! Не помню у знакомых сверстниц такую непринужденную грацию, не нарочную собранность даже дома: без всякого насилия над собой. Моя фантазия переносила ее на трид-

цать лет назад, оживляла образ молоденькой девушки, дочки крупного руководителя, беспечной, легкой, не подозревавшей о существовании десятков миллионов мне подобных. Ее образованность изумляла меня, недоучку. Стендаля, Гете и Стейнбека она перечитывала в подлиннике. Где-то в глубине ее сердца тлели несбывшиеся надежды, переживания. Она была проста и общительна. Куда делось глупое, жестокое зло моего первоначального замысла! Теперь каждое утро я ждал ее пробуждения. Забыл забавные трюки стриптиза, забыл город, свои амбиции. И обреченно наблюдал в себе симптомы болезни, тяжелой, продолжительной, плохо излечимой.

9

Я встречался с Нелей, потому что никого, кроме Раевских и двух трех человек в городе не знал. Мы вместе с девушкой коротали время и ладно.

Наша культурная программа обычно замыкалась немногочисленными барами за кофе с коньяком, или мы уезжали загорать в Строгино, где даже в будни праздный люд утешался теплой водой большой мутной лужи.

Мы поджаривались на солнце в рыжей пыли от энергичного топтания пляжных волейболистов, среди обгоревших ляжек, задов, носов, заклеенных кусочками газет, пестрой выставки пледов, подстилок и надувных матрасов. На пляже я отдыхал от прожорливых мыслей.

– Где ты живешь в Москве? – спросила Неля.

Она приподнялась на локте и поверх темных очков из-под панамы мухомора взглянула на меня. Ее подмышечная впадина углубилась, а бретелька комбинированного купальника провисла, и слабая грудь в веснушках, с набухшим розовым соском стыдливо выглянула из бюстгалтера. Я зарыл лицо в переплетенные пальцы.

– Да, так. У знакомой.

Девушка, очевидно, тоже легла ничком. Ее голос прозвучал глухо:

– Отец сказал, ты живешь, у какой то женщины.

Я насторожился.

– Еще он сказал, что она на пенсии...

– Она обходится без подачек. Дядя доложил?

– Наверное...

Мы какое-то время слушали визг девицы: трое шутников тащили ее к воде.

– Катя рассказала мне, почему вы поссорились с дядей.

– И что ты думаешь?

Она пожалала плечами и вздохнула. Меня же словно просвечивали рентгеном, и с профессиональным любопытством тыкали пальцами на темные пятна черно-белого снимка. Легко догадаться, откуда родственники узнали о моем пристанище. Я покривился от мысли, словно бормашина дантиста впиалась в ткань зуба: не наболтала ли хозяйка квартиры лишнего!

– Твоей матери не трудно содержать тебя третий месяц? –

надоедала Неля.

– Наверное, трудно, – я пожал плечами. Леня было напоминать о работе в приморском пансионате.

– Мой двоюродный брат третий год нигде не работает и не учиться, а его мать на него не надышится...

– Обычное дело для Москвы. Мои сестры тоже нигде не работают. Спасибо за аналогию.

– Не злись. Просто... мне кажется ты не такой, как они говорят. А какой, не пойму.

«И я не пойму!» Воображение нарисовало конфиденциальное совещание старых приятелей, их участие в мальчике. Я закусил губу. «Зачем она это сделала?»

Остаток дня я отвечал невпопад, и Неля, казалось, жалела о пляжном разговоре. В баре я перебрал и плелся за девушкой. Меня раздражала ее манера затягивать шаг на высоком каблуке («Да еще своими циркулями!» – с пьяной злобой думал я.), отчего ее волосы на затылке колыхались, как грива лошади, понуро бредущей в гору, открывали худую шею и острые позвонки. Кроме мелочности этим вечером, я обнаружил в себе огромное хранилище злости к Курушиной.

Еще помню багровый закат над плоскими крышами, испачканный грозowymi тучами, и уплывающую мишень за мочной скважины.

Хозяйка открыла дверь, и постоялец ввалился в прихожую. Изображение прыгало вправо и на исходную точку с частотой шумевшего в ушах пульса.

– Ты пьян? – Курушина обомлела.

– Чуть-чуть, – поскромничал я, и, пошатываясь, заковылял мимо, на ходу сбрасывая одежду. – Привет от дяди!

– Ты что-то сказал? – спросила ошеломленная Елена Николаевна.

– Дяпану звонили?

Курушина разговаривала со мной как с трезвым, поэтому поежилась, и, нервно кутаясь в пуховый платок, чуть высокомерно ответила:

– Да, я с ним разговаривала...

– Все ясно...

– Что ясно?

– А то, что он мелит всякую дрянь! Что я живу за ваш счет и... – я всхлипнул: вероятно, действительно изрядно нахлебался.

– Что за вздор! – Курушина растерянно вошла в комнату. – Кто тебе это наговорил? Аркадию звонила твоя мать, сказала, что ты в Москве. Ты за месяц не удосужился написать ей. Аркадий очень удивился и перезвонил. Я подтвердила, что ты у меня.

Она так расстроилась, что не заметила моей наготы. Я голый развалился на диване. И перевел дух: женщина стала молчаливой соучастницей моих натуралистских спектаклей. Вся злость и оскорбительные слова ей, словно груды щебня высыпались за окно. Я понес слезливую ахинею, признавался ей в любви, лез обниматься и, спотыкаясь, ковылял в ван-

ную. Она нянчилась со мной, позволяла приставать и укладывала на свой диван, куда я рвался, посмеивалась и с шутливым удивлением повторяла: «Какой же ты пьяный!»

Но алкоголь почти не действует на мою память. В возбуждении я старался коснуться ее бедра, живота, руки, словно грубовато играл с подружкой, и отвлекал ее болтовней. Я был достаточно пьян, чтобы перебороть стыд, но трезв для наслаждения от вынужденного прикосновения одежды женщины, скользнувшей ладони. Я обнимал и прижимал ее бедра (на удивление упругие) к животу. Однажды женщина не отстранилась и на мгновение ее рука замерла на моем плече, голова поникла, и мне показалось, Елена Николаевна вздрогнула. Но, угадав мое напряжение, почти экстаз, торопливо подтолкнула ухажера к постели. Я рухнул на диван и потянул ее за собой. Она кулаком уперлась мне в лобок, испуганно рванулась, пристально посмотрела в мои глаза. Но я притворно загоготал и вытянул губы трубочкой к ее щеке.

Она не уходила, поправляла подушку, подбивала одеяло, и, когда я хватал ее кисть, обнимал за талию, скользил рукой по низу ее живота, женщина твердо, но не резко отстранялась. Казалось, оба мы играем, и списываем игру на пьяную ночь, о которой завтра забудем. И это блаженство продолжалось, пока я не провалился в пестрый звездопад.

Я лежал в предрассветном сумраке с открытыми глазами, разглядывал цветы на обоях, выступавшие в прозрачном свете зари, и пугливо вспоминал давешний разгул. Вообра-

жение тщетно рисовало дряхлую старуху, ее морщинистые, сухие руки, вялое тело. Наваждение сводило меня с ума, но я не противился жуткому похотливому желанию – казалось, постыдному – повторить...

На кухне я смущенно расспрашивал о вчерашнем буйстве, извинялся и жадно ловил ее жесты, выражения лица, которыми она выдаст себя. Я хотел целовать эти руки, ласкавшие мое тело не лаская.

Курушина помешивала ложечкой в кастрюле и иронично повторяла на мои оправдания: «Почудил, почудил». И оба мы молчали о моих шалостях, которые прекрасно помнили.

10

Затухал один из тех августовских вечеров в Москве, когда тесная квартира, словно превращаются в спичечный коробок, и чувствуешь себя пойманным жучком, хочется на волю.

Мы прогуливались в парке рядом с домом. Деревья заботливо прятали за дырявыми кронами алый закат, и в кристальной тишине, по зеркальной глади пруда отчетливо, до каждого слова перекатывались голоса людей.

Курушина спросила, есть ли у меня девушка? Я рассказал про Нелю.

– Морочу ей голову...

– Ты о понорошной женитьбе? – Я кивнул. – Пригласи ее к нам!

Я прикинул: с одной стороны Неля удовлетворит любо-

пытство, с другой – хмыкнул – Елена Николаевна увидит мою «любовь».

– Хорошо. Когда?

– Хоть завтра!

– Идет. Я позвоню ей.

Утро заняли хлопоты: магазин, кухня, уборка квартиры. Курушина готовилась не на шутку.

– Будьте проще! – пожурил я хозяйку. – Девушка без комплексов, чайком с сухариками побалуется...

– Вот и предложишь Неле на выбор! – отшутилась Курушина.

Она преобразилась. Мне доставляло удовольствие вертеться на кухне, то взбивать миксером яичные желтки в железной миске, то выполнять простейшие кулинарные задания.

– Когда был жив отец, – рассказывала Елена Николаевна, – мы даже двери не закрывали. У нас постоянно были гости. На кухне кто-нибудь обитал, либо я, либо мама. Наша домработница тетя Ира... Что ты хмыкаешь? Буржуазные замашки? – она развела испачканными в муке руками, цыкнула уголками губ, мол, что поделаешь – такие мы! – и разве-селила меня. – Она научила меня многим вкусным вещам!

Куда исчезли ее томность и размеренные движения, выученные мною наизусть. Я вдруг понял: она всегда была общительной и веселой, и лишь Артур мрачный наградил ее в своем воображении манерностью, заточил в этой кварти-

ре. Что я знал о ней, о ее окружении? Умиление хозяйкой не покидало меня все часы, что я мешался рядом.

С Нелей мы назначили встречу после работы у входа в метро.

Еще вечером Курушина наметила бигудями сложную прическу – не успевала в парикмахерскую, – и теперь хлопотала в газовой косынке. Перед выходом я заглянул в комнату Елены Николаевны. Женщина перебирала в шифоньере платья. Этот древний монстр исторгал из распахнутой дверцы густой нафталиновый душок.

– Что вы наденете? – спросил я.

– Вот! – бодро ответила Курушина, расправила одну из допотопных жабостых кофточек и подол траурной юбки. – Или, вот! – уловив выражение лица притязательного костюмера, предъявила она платье-балахон. Я скептически pokrивил рот.

– Это дружеское чаепитие, а не официальный прием. Вечерние наряды неуместны. Разрешите! – я потеснил хозяйку на стуле, и врылся в тряпье, плотно спрессованное на плечиках. – Наденьте что-нибудь простое. Но не застиранный домашний халат. Вам еще далеко до черных платочков и савана.

– Что же мне девочкой рядиться? – Курушина засмеялась и постаралась отстранить меня от вещей. Я удержал ее руку.

– Ничего здесь не годится. Вы что-нибудь обновляли за последний год?

Она задумалась, и извлекла из ящика симпатичный бежевый свитерок. На отвороте болталась магазинная бирка. Я мысленно скомбинировал свитерок и темную прямую юбку, и выдернул ее из вещей.

– Да ты с ума сошел! – всплеснула руками Курушина. – Это носили еще в шестидесятые, когда я была чуть старше тебя...

– Мода возвращается каждые двадцать лет с новым поколением. У вас красивые ноги, как у недотроги!

Я решительно захлопнул шифоньер.

Женщина фыркнула, но взяла вещи, поднялась со стула, и принялась попеременно прикладывать их и рассматривать в вытянутых руках.

До метро автобусом, затем пешком, плюс настоящие женщины всегда опаздывают и назад, заняло часа полтора. Неля, как всегда перед походом в незнакомое место, отмалчивалась. Настраивалась. На девушке было джинсовое платье с коротким рукавом, универсальное для всех случаев жизни, и выглядела она вполне торжественно-заурядно с букетом чайных роз в прозрачном коконе.

Наконец, мы пришли.

В отечественном прокате, помниться, одно время были популярны ленты о преображении невзрачной женщины-начальника, или картотечной сватьи из общежития в обалденных красавиц. В конце фильма они приводили коллег, знакомых и зрительный зал в экстаз, сравнимый, разве, с потря-

сениями от Изауры или мексиканской Маруси (хотя, латинскому мылу далеко до отечественного кино). Метаморфозы реальной жизни потрясли молодого циника (во всяком случае, считавшего себя таковым) гораздо больше перевоплощений Алисы Фрейдлих на экране.

Открывается дверь, я натываюсь на джинсовую спину спутницы, золоторунным барашком волос заслонившую вид, и, когда дневной свет, наконец, ломит сузившиеся зрачки, я нокаутирован.

Позже на улице Неля обратила внимание не только на ее браслет – золотую змейку с бриллиантовыми глазками – и серьги, но добавила с несвойственной ей развязностью:

– В молодости она была шикарная женщина. Это потрясно!

Выходя из состояния гроги, я уловил тончайший запах духов и туманов. Сердце забеспокоилось. Перед очарованной парой стояла изящная женщина лет тридцати или едва более того, в бежевом легком свитерке, выгодно обрисовавшем ее высокую грудь и худенькую талию. Прямая, чуть ниже колен юбка, красиво очертила узкие бедра незнакомки. Словно точенные миниатюрные ножки в лакированных остроносых рюмочках с опустившимися на них кожаными бабочками поражали пропорцией со всей ладной породистой статью. Женщина держала подаренные цветы, как новорожденного, бережно и нежно. Знаю, более придиричивый взгляд немедленно впился бы в ее шею, чтобы, как по зубам лошади опреде-

лить свежесть, с линейкой и лупой в зрачках принялся бы измерять миллиметры пудры на лице, считать морщины. Пусть их! Меня потрясло тождество моего воображения, рисовавшего молодость женщины, и реальности, сокрушивших миф о злом всемогуществе лет. Непостижимо! И постигать я ничего не хотел и не хочу.

Ее лицо... Ее лицо? Откуда я помню ее лицо, в той очарованной дали, куда уводит меня память сердца! Волшебное сияние глаз, свет, лившийся из ее души в мою душу, слепивший каждый закуток дворца феи.

Возможно, со стороны торжественный вид хозяйки выглядел нелепо рядом с двумя серыми воробьями-гостями из повседневной жизни. Но, когда королева пригласила нас в комнату, я, зачарованный, робко поплелся за молодой пассией.

Елена Николаевна, как и утром, оставалась собой. Но в том и неповторимость этой женщины: без усилий оставаться собой на вершине, недоступной многим даже в минуту наивысшего напряжения. Если бы я осмелился заподозрить двух женщин в соперничестве, то Нелю в моих глазах не спасала даже ее юность, дающая форы ухищрениям опыта.

Как у нее это получилось? Просто! Человек показал в зеркало матери природе язык, подмигнул и остался тем, кем она его создала: совершенством.

Из невнимательно прочитанных книг и дрянных постановок я впитал странное представление о светской беседе:

ожившие манекены со слащавыми улыбочками обмениваются словесными штампами. А застольная граненая болтовня парней моего круга обычно заканчивалась панибратством с хозяйским унитазом.

Курушина говорила совершенно обыкновенные, на мой взгляд, вещи, но, околдованная ее обаянием тихоня Неля, за час выложила ей историю своей жизни от записанного детства, до коммерческого магазина папы, и еще через полчаса женщины о чем-то шептались, перекуривая на кухне.

Я слонялся за ними и чувствовал себя пустым местом.

Кого ты хотел обольстить, к кому думал воровато забраться в душу, злобный отличник дворовых университетов? Я смотрел на Елену Николаевну и смеялся над собой зло, ехидно, с издевкой. Вот, когда гаденыш во мне жалобно пискнул, затрепыхался и утих, выпустив ядовитую слизь.

На дне фужера мне виделся уже единственный друг, крепкий алкоголь мутило мозг, но сохранял память. Как бы я хотел забыть тот вечер, месяц. И не ныло бы внутри так сладко и больно от зубастых воспоминаний.

Я напился. Затем посадил Нелю в такси и каким-то чудом вернулся в нужный подъезд. Голос девушки барабанил в наглухо забитую бочку моего сознания: «Она одинока, потому что люди ее круга забыли ее. А такие, как мы не понятны. Она любит тебя, как сына. Она много о тебе говорила!»

Затем я вскарабкался по ступенькам на четвертый этаж и, уткнувшись в колени, подвывал, слизывая тошновато-горь-

кие слезы с углов рта. Я любил ее. И совершенно трезво мерил непреодолимое расстояние между островом и материком, которым никогда не соединится.

11

Я горько сморкался на ступеньках перед квартирой своей первой любви, пришибленный противоестественным чувством: мать – ровесница любимой женщины. И всего минуту назад я проводил симпатичную девушку. Свою девушку! Проводил безразлично, как вчерашний, дождливый день. Уж кто бы, как ни она зло посмеялась над взбалмошным влюбленным!

Я ввалился в квартиру, как в Гефсиманский сад, и с мужеством приговоренного, заковылял на кухню-Голгофу.

– Я уезжаю! – повернул я чугунный язык, и тюком плюхнулся на табурет.

– Девушке что-то не понравилось? – отложив тряпку, осторожно спросила женщина. Как мне хотелось обнять ее талию и ладонями нарисовать линию ее бедер. Я уткнул подбородок в грудь.

– Наоборот...

Хозяйка облегченно продолжила полоскание посуды.

– Вы поссорились?

– Да.

– Печально. Трогательная девочка. Надеюсь, все не так жутко и вы по...

– Я сказал ей, что люблю вас!

Курушина положила последнее вымытое блюдо в сушилку. Отжала тряпку и вытерла руки, всеми этими манипуляциями затягивая и без того огромную паузу. Затем подвинула табурет и села рядом. Поправила набок мой куцый чуб и, заглядывая в глаза, облокотилась о сжатые колени.

– Спасибо, дружок...

– Да я люблю вас не так, как вы думаете! – почти крикнул я в пьяном отчаянии. – Я люблю вас по-настоящему, как мужчина любит женщину! Зубоскальте, недоумевайте, вразумляйте! Не поможет! – Я вскочил – табурет грохнулся о пол. – Я хотел вышвырнуть вас из вашей квартиры, как старую тряпку, которой уже не вытирают обувь! Понимаете? Вы пустили в дом подонка, для которого ничего не свято, кроме своих гнусных желаний. Ну что, что я нашел в вас, чего не видел в других женщинах!

Я зло рассказал о ненависти первых дней, о издевках, которыми оскорблял ее привычки, одежду, внешность, и, наконец, – о восхищении.

– Почему это случилось со мной? – стонал я. – Ладно, если бы я не видел женщин! Так, нет! Я пьян! Завтра мне будет горько, но не стыдно за этот вечер. Разве можно стыдиться самого дорогого, что есть. Я вас люблю, хоть пьяный, хоть мертвый! – Я сел на пол и закрыл голову руками.

Курушина курила сигарету за сигаретой, мышцы ее лица обвисли, искривив подковой вниз углы губ. Она, казалось, сразу постарела, ссутулилась, и ее нос с горбинкой некраси-

во покраснел, глаза померкли, и только чистые холодные камешки золотых нитей в ушах, подрагивали всякий раз, как женщина стряхивала пепел.

– Я рада, что ты мне все рассказал...

– Не думаю!

– Ты, наверное, считаешь меня старой дурой, с рефлексамии бездетной... Извини, дружок, я уже начала выражаться так же велеречиво, как ты! Не стану лгать, я не подозревала о том, что ты мне сейчас сказал. Ты мне симпатичен. И это не басня про петуха и кукушку. Анализировать твои достоинства я не берусь. Хотя тебе, вероятно, любопытно послушать. Ты кое-что знаешь о моем прошлом. Я не всегда жила здесь... – она секунду подумала, словно вспоминая. – Ты загнал себя в угол. Тебя слепит блеск той моей жизни, желание прикоснуться к ней. погоди! Я стареющая, обыкновенная женщина. Живу, как и многие, сегодняшним днем, и может, немного – тщеславными воспоминаниями. Допустим, ты бы мне нравился, как ты выразился, как мужчина. Но ведь этого мало. Разве ты не встречал просто симпатичных людей. Может, мне потом будет неловко, но откровенность за откровенность. Если ты думаешь, что в женщине под пятьдесят, для тебя – старухе, отмирает интерес к многогранной жизни, ты ошибаешься. Теперь ко мне редко кто заглядывает. И твое появление – событие. Молодой, красивый! Но моя молодость прошла. Смирись. Не ставь нас в безвыходное положение. Это не достойно людей, способных найти

компромисс. А за твое признание спасибо! Приятно почувствовать себя, хоть чуточку моложе того, что ты есть! – Курушина примирительно улыбнулась.

– Как младенцу все разжевали. Нравишься – не нравишься! – процедил я, и упрямо спросил. – Так я вам все-таки нравлюсь?

– Конечно! – в ее тоне не было ни иронии, ни кокетства, лицо снова подобралось до мельчайшей черточки, пронзительные глаза вспыхнули.

– Что же теперь делать? – гробовым голосом спросил я.

– Спать! Завтра я иду к людям, которые согласились нам помочь. Их девочка на днях вернулась.

Я обречено кивнул и посидел, свесив с колен руки и тупо глядя в пол.

Укладываясь, я знал – это только начало! – и заснул с радостью и страхом.

12

Мы старались не замечать памятного вечера, слонявшегося между нами. Но с равным успехом можно ходить босиком по талым весенним лужам, внушая, что на ногах теплые, непроницаемые сапоги.

Матери я отправил сухое «уведомление» о здоровье и соврал, что нанялся разнорабочим. В моем кожаном шмеле осталось несколько мелких ассигнаций и медяки.

Дня через два Елена Николаевна разбудила меня утром и показала подарок невесте. Я лениво выпростался из-под

одеяла в утреннюю прохладу сентября и, зевая, склонился рядом: Курушина сидела за столом. Золотая змейка с крошечными бриллиантовыми глазками свернулась двойной спиралью на белой скатерти. Великолепная ювелирная работа поражала тонкостью отделки мельчайших наплавных чешуек и сходством с каким-то мелким древесным оригиналом.

– Не жалко отдавать?

Я взял браслет, чтобы лучше его рассмотреть.

Курушина сложила ладони кулаком и опустила подбородок на плечо, искоса поглядывая на змейку. Затем решительно вздохнула, словно прощаясь с браслетом, и выпрямилась.

– Сегодня сходи, познакомься с ними.

Серовато-голубые облака-барашки резвились наперегонки с холодным ветром. Будущие родственники жили у Павелецкого вокзала, в желтой пятиэтажке под дробным номером и с обшарпанным двором. За ориентир мне называли старинные бани. Идти к чужим людям с рекламацией жениха от женщины, которой днями признавался в любви – не глупейшая ли гримаса обстоятельств!

Если, поднимаясь по ступенькам, я сомневался, отдавать ли благодетелям драгоценность близкого человека, то за порогом квартиры, после визита, уверенно показал увесистый кукиш рыбьему глазку двери.

Папаша невесты, сухонький, остролицый и голенастый, как кузнечик, с зализанным после душа зачесом, в трениро-

вочных, голубых рейтузах и в кожаных шлепанцах на босые ноги, развалился в кресле, рассеянно «мдакал» жене, и языком звучно ковырял между зубами. Мамаша, совершенно обыкновенная жена «кузнечика», в длинном халате, перед включенным телевизором пролистывала «Москву». Флегматичная, луноликая дочка с черными вьющимися волосами и красными веками больших добрых глаз, словно отбывала наказание. Когда я вошел, женщины уставились на меня, как на свирепого носорога в зверинце, с почтением и страхом. Похоже, семейство «пигмеев» редко посещали гиганты выше ста шестидесяти сантиметров ростом.

Я сел на диван под перекрестный допрос будущих родственников: кто мои родители, круг увлечений, страдаю ли я несварением желудка...

После первых ответов они насторожились.

– Если рекомендаций Елены Николаевны вам достаточно, назовите вашу цену за услугу? – оборвал я любопытство папаши.

Тот заерзал в кресле, жена вылупилась на него, дочка – на меня.

– У вас я не появлюсь. Все расходы – на мне. Главное, чтобы вы не передумали. Жаль будет потерянного времени!

Лицо папаши покрыли багровые пятна. Похоже, он ворочал в голове глыбы мыслей. Но я не дал ему придавить меня ими.

– Елене Николаевне понадобилась ваша... – я сделал ед-

ва уловимую паузу - . . . дружеская услуга. Ничего постыдного в вознаграждении нет. Ведь так?

Папаша насупился. Эх, не купеческой ты, кузнечик, хватки, роскошной, самодурной удали! Торговаться не приучен!

Конечно, будь я старше, ни за что бы, ни рискнул дразнить и так то напуганных людей. Но терпеть их снисходительность к Елене Николаевне я не мог!

В коридоре папаша прокашлялся в кулачок и назвал сумму. Две тысячи рублей, при тогдашних расценках на прописку в полтары.

– Что ты им наговорил? – набросилась на меня Елена Николаевна, едва я переступил порог ее квартиры. – Алексей Владимирович (даже не пытался запомнить!) только что звонил. Он шокирован! Говорит, ты слопаешь меня в полчаса. Отговаривал связываться с тобой. Сказал: мол, выживешь. . .

– А разве, нет?

Курушина порывисто ушла, но спустя минуту вернулась с зажженной сигаретой. В ее глазах набухли слезы.

– Ты ставишь меня. . . – Она шмыгнула носом.

– Никуда я вас не ставлю!

Я подробно передал ей разговор.

– Пусть болтают! Безотцовщина и дворовой я. Какой с меня спрос! А друзья ваши – дрянь!

Курушина тяжело вздохнула. Она присела рядом на диван, кутаясь в платок. Потом притулилась к моему плечу.

– Спасибо, дружок! Я тоже в первый раз с этим сталкива-

юсь. Тяжело! – и потом. – Пропадешь ты со своим характером. Не любишь ты людей!

Я готов был сидеть с нею вечность под дремотное тиканье часов. Мне хотелось целовать ее руки, волосы, губы. Но боязнь нарушить торжественность минуты, спугнуть счастье, удержали меня.

13

Даже сейчас я не могу сказать, чем, кроме молодости понравился Лене. Поразить воображение опытной, умной женщины мне, недоучке, было немислимо. Она легко различала крошечные пятна на моей совести. Мои самонадеянные суждения о жизни, о людях окрашивали два противоположных цвета. Читал я много, бессистемно и не впрок. Мои скорые выводы забавляли ее. Например, я презирал тургеневского Рудина. Непротивление нетерпимого Толстого считал фарсом. Достоевский, по моему мнению, лечил поврежденную расстрелом психику написанием мрачных романов. Современную отечественную литературу находил ангажированной и скучной. Импортную – свежие пятна детства: Хемингуэй, Ремарк, Фолкнер, Фицджеральд, Стейнбек, Лондон и прочие – по мере того, как у нас их переводили и издавали, набор у всех примерно один – называл фантазиями сытых. В моем представлении капитанская дочка Пушкина, вполне могла выйти замуж за Зверобоя Купера, и они коротали бы сотню лет в мрачном замке Кафки. Своими безвкусными каламбурами я смешил Елену Николаевну до слез. Понятия

о музыкальной культуре клубились в моем сознании фиолетовым дымом тяжелого рока. В живописи мне нравилась три топтыгина на конфетной обертке...

Духовная скудость – мостки к нравственной. Служба в армии разделила для меня людей на пастухов и стадо: чем крепче хлыст, тем подопечные послушнее. Я презирал нищету: презирал людей упитанных духовной пищей и без гроша, либо наоборот. Круг моих знакомых не имел ни того, ни другого. Безусловно, я жалел мать, вспоминал друзей детства...

Вряд ли Елену Николаевну прельщала духовная посредственность розового бунтаря. Курушина встречала людей достойнее провинциального Маугли. Встречала в прошлом! Но привязываются же люди к домашним животным! А я умел слушать, быстро учился, был внимателен к ней, и вполне мог потеснить в ее сердце печальные воспоминания. Наконец, все свои промахи я совершал, желая понравиться.

Если женщина старше мужчины на два-три года это настораживает. Шесть-десять лет – подозрительно. Разница же в двадцать и более лет простительна, скажем Пиаф, и то с пошлой скидкой на хитрый расчет ее мужа. Или – Джулии Ламберт, литературному вымыслу. Вообразить любовь пятидесятилетней женщины и двадцатилетнего мальчишки, как гармонию духовной близости и секса? – чушь. Но ведь в некоторых африканских племенах неравный брак с возрастным приоритетом женщины – культурная традиция, экзотическая для европейского мышления. Если, – пофанта-

зирую – поместить разнополых, здоровых сверстников в замкнутое пространство в период их полового расцвета, девять случаев из десяти закончатся предсказуемо даже при самом пуританском воображении. Да и в истории царя Эдипа есть своя изюминка, если исключить назидательный пафос и не сильно углубляться в традиции приевфратских магов жениться на матерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.